Алеша Попович и Змей Тугарин

Алеша Попович, Еким Иванович, Ездят по полю два удалые молодца, Они подъезжали ко крестику И богу помолилися,

А ... головы приломилися.

— Ну поедем, Яким, во Кестрень-город.

Алешенька попович...:

Во Кестрени-городе делать нечего,

Там есть девки и бабы,

Приманчивые по-пустому,

А мы заваляемся.

И пойдет слава про нас нехорошая.

— Ну поедем во Пучин-город,

Там во Пучень-городе есть сильные и богатые,

А нам с ним ездить не наездиться.

— Алешенька Попович,

Поедем лучше на Киев-град,

Киев-град Змей Тугарин завладел,

Солнышко Владимера на придворнички взял.

Ты пошто, Яким, давно мне не сказывашь?
Они поехали во стремя стремя,

Буржемецкими копье об копье,

А богатырскими плечо об плечо.

Они попляску давали молодецкую,

А они ускоки-то давали богатырские,

А они поездку держали-то во Киев-град.

Добрых коней они не привязывали,

Да и не приказывали,

А у ворот они не спрашивалися.

Отворяли они пято [так!] на пято,

Закрывали они крепко-накрепко,

Уходили они во покой княженетский.

Они крест-то клали по-писаному,

А поклоны-то давали по-ученому,

Они кланялися на все на три стороны,

А душечке Апраксеной на особицу.

— Ах вы, ребята удалые,

Алешенька Попович сын и Яким Иванович,

Вот вам первое место переднее,

А второе место — подле меня,

А третье место, — где вы сами хочите.

Яким садился...

— А ты под самые двери...

И несут они на обед Змея Тугарина,

Двенадцать сильных богатырей,

И посадили его за стол дубовый

И на золотой стул.

И садили ему на колене душечку Апраксену.

Он ее белую грудь утрепливат,

А сахарны уста...

И поднесли ему чару-меру на запивочку

И белу лебедь на закусочку.

— Яким, у моего батюшки

Была корова обжориста,

Она по улице валялася

Да лывой захлебнулася,

От того и смерть случилася.

И Тугарину не миновать!

Солнышко Владимир сказал:

— Не шути, Алешечка, шутками несносными,

А ты шути легкими.

Поднесли ему испекеного быка —

Он вилкой хватил

Да костья назад выхаркнул.

Яким [!] говорит:

— У моего деда [!] ростовского

Була ... обжористая,

Она по-под лавочкой каталася и валялася,

Оттуль она косткой подавилася,

Смерть приключилася.

И етому собаке будет такая ему смерть!

Змей Тугарин стрелил вилкой

Алешеньку (в) белую грудь.

Яким не допустил до груди Алешиной

Да и подхватил:

Алешенька Попович,

Куда же я этот подарок:

Себе ли возьму или назад отошлю?

— Не скверни столы князенетские,

Я сам с ним, со собакой, спереведуюся:

Божья помочь во чистом поле!

Выезжал Алешенька Попович во чисто поле.

Как малая он пташечка.

По полю он перелетыват.

Надлетел над него Змей Тугарин

На бумажных крылышках:

— А где святы отцы писали да прописалися,

А волшебницы, они ворковали-проворковалися:

«Егце будет тебе от Алеши смерть!»

Нонче-то, Алешенька, ты во моих руках!

Захочу я — тебя дымом задушу,

А захочу — тебя пламем обожгу!

Тут взмолился Алешенька Попович:

— Ей, туча грозная, возьми и подмочи

У Тугарина-то крылья бумажные!

И лилася туча грозная на Змея Тугарина

И подмочила бумажные крылушки,

И падал на мать сыру землю.

И подсек вострой саблей Тугарину Змея голову,

И понес он на востре конце копье.

— По полетке и по поездочке

Знатно ясного сокола, —

Душечка Апраксена говорит Якиму, —

Несет Тугарин Алешину голову,

Не ошибается душечка Апраксена!

А по полеточке знатно Алешеньку Поповича,

А несет Змея Тугарина на востром копье голову!

И бросил Алешенька [Попович]

Княгине на белую грудь голову Тугарина:

— Где ты со змеем волочилася и валялася,

А нашего ты князя не ... считала,

Не княгиня ты бы була,

Назвал я бы тебя сукой сволочашницой!

- Проходите в покои князенетские! Говорил князь Владимир солнушко.
- По приезде ты не...

А на отъезде тут нечего! Сами спорхнули, поднялись.

(Текст записан для В. Г. Богораза неизвестным лицом в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре (Чукотка))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.